

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В САДУ РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОПОК

А.В. Корневский

*Я подумал о лабиринте лабиринтов, о петляющем и
растущем лабиринте, который охватывал бы прошедшее
и грядущее и каким-то чудом вмещал всю вселенную.*

Хорхе Луис Борхес [Борхес, 1992, с. 234]

Аннотация. Статья открывает номер журнала, посвященный историческим и социокультурным трансформациям концепта «герой нашего / своего времени». Литературная аллюзия, отсылающая к роману М.Ю. Лермонтова, позволяет артикулировать проблему героя и его эпохи, поколения, окружения (или времени, среды, группы, избравших ту или иную личность в качестве «своего» героя) во всем многообразии смысловых оттенков – от буквального понимания героя как вождя, лидера, «властителя дум», экстраординарной харизматической личности, способной «инфицировать» окружающих убежденностью в правоте своего дела и повести за собой, до «сниженной» – иронической, саркастической или даже эпатажной, «трикстерской» трактовки данного образа. Предполагается уделить особое внимание проблеме диалектической взаимообусловленности двух сторон в противоречивом тандеме героя и его времени, среды, исторического контекста: не только выдающаяся личность персонифицирует эпоху или даже реально влияет на вектор исторического развития, но и время, общество, масс-медиа, группы и партии творят своих героев.

Ключевые слова: герой нашего / своего времени, мономиф, экстраординарная личность, харизма, социокультурный контекст, антигерой, трикстер.

Корневский Андрей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, koren@sfedu.ru.

“THE HERO OF OUR TIME” IN THE GARDEN OF FORKING PATHS

A.V. Korenevskiy

Abstract. The article opens the journal issue, in which the leading theme is the historical and sociocultural transformations of the concept “the hero of our / his time”. Literary allusion referring to the novel by M. Lermontov allows to articulate the problem of a hero and his era, generation, milieu (or time, environment, group, who chose this or that person as “their” hero) in all variety of semantic shades: on the one hand – the literal understanding of the hero as leader, standard-bearer, “regent of dreams”, an extraordinary charismatic personality capable to “infect” others with conviction in the rightness of his mission and to lead them; on the other hand – to the “reduced” ironic, sarcastic or even inflammatory, “trickster” interpretation of this image. It is supposed to pay special attention to the problem of the dialectic interdependence of the two sides in the contradictory tandem of the hero and his time, environment, historical context: not only an outstanding personality emblemizes the era or even really influences the vector of historical development, but also the time, society, mass media, groups, and parties create their heroes.

Keywords: the hero of our / his time, monomyth, extraordinary personality, charisma, sociocultural context, antihero, trickster.

Korenevskiy Andrey V., Candidate of Science (History), Associate Professor, the Head of Department of Russian Medieval and Modern History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, koren@sfedu.ru.

«Никогда не вредно начинать с *mea culpa*» [Блок, 1986, с. 19], — советовал Марк Блок. Прислушаемся к рекомендации великого историка: сразу начнем если не с извинений, то, как минимум, с признаний в некоторых сомнениях. Все мы в большей или меньшей степени подвержены искушению панлогизма, свойственного европейской культурной традиции. Но как применить эти благие намерения к «героической» теме, если даже не вполне ясно, с чем мы имеем дело — одним сложным и многоплановым феноменом или целокупным (либо, наоборот, разнородным) множеством явлений?

С одной стороны, не приходится сомневаться в архетипическом характере героической коллизии, поэтому Дж. Кэмпбелл имел все основания применить к данному сюжету термин «мономиф» [Кэмпбелл, 1997, с. 37]. С другой стороны, тот же Кэмпбелл называет героя «тысячеликим», а повествования о нем, в том числе и о герое «нашего времени», — историей, «сказанной-пересказанной в тысячах вариаций» [Кэмпбелл, 1997, с. 374]. Тогда, быть может, именно эти вариации и должны стать объектом анализа? Но их количество и разнообразие таковы, что, предпринимая эту попытку, придется забыть о любой логической последовательности, а карта нашего продвижения по пятам героя обнаружит сходство с борхесовским садом расходящихся тропок. Но, может, все-таки стоит попробовать? Ведь если вспомнить сюжет новеллы, развилки в этом саду вовсе не означают необратимого выбора. Его тропы и аллеи столь извилисты, что неизбежно пересекают друг друга, и, выбрав одну, можно нежданно-негаданно оказаться там, куда и не собирался идти. А надо ли опасаться неожиданностей? «Ведь само слово “открытие” означает неожиданность, отклонение, — вновь подсказывает нам мудрый Марк Блок. — Заниматься наукой, которая ограничивается констатацией того, что все происходит всегда так, как этого ожидаешь, было бы и бесполезно, и неинтересно» [Блок, 1986, с. 69].

Итак, рискнем войти в сад расходящихся тропок... И вот перед нами развилка с указателями «актуальность» и «вечность». Что выбрать? Конечно же, академический канон требует начинать любойopus с обоснования его актуальности. Но приложимо ли это к теме, которой посвящен номер нашего журнала? По крайней мере, если понимать под актуальностью «соответствие запросам современности» [Словарь русского языка, 1985, с. 30], то есть злободневность. Иными словами — то, что важно и значимо сегодня, но не было в той же мере востребовано (или не востребовано вовсе) вчера, да и не факт, что будет значимо завтра. «Актуальность» меркнет на фоне вечности «героической темы», которая, по большому счету, древнее любой, даже самой ранней формы историописания, равно как и любого иного гуманитарного знания.

«Тысячеликий герой» начинает свой путь в мифологическую эпоху и продолжает его в историческом времени, как будто бы теряя при этом «гибридный» статус получеловека-полубога, но оставаясь *misterium tremendum*, завораживая экстраординарностью природы и поступков: «Герой становится сознательным орудием

великого и ужасного Закона, будь его деяния действиями мясника, шута или царя» [Кэмпбелл, 1997, с. 236].

Внутренняя почти религиозная благоговейность — исходный импульс и мотив исторического повествования как наставления грядущим поколениям — герои становятся, по выражению С.Л. Утченко, «избранниками самой истории»; они «проходят через века, через тысячелетия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений» [Утченко, 1986, с. 3]. Но победная поступь этих «вечных спутников человечества» слышна не только в истории. Героический «мономиф» пронизывает собою все страты культуры и все эпохи: античный культ героя, низвергнутый христианством, парадоксальным образом проступает в агиографии, героизируя саму святость; по прошествии веков он возрождается в «титаническом» духе Возрождения и достигает своих крайних форм в радикальном индивидуализме Нового времени — идеях Т. Карлейля и Ф. Ницше, Г. Тарда и Н. Михайловского, В. Парето и Х. Ортеги-и-Гассета. Тема героя проходит красной нитью через всю философию, историософию, этику и эстетику, почти безраздельно господствует в литературе, драматургии и массовой культуре. Основываясь на концепции Кэмпбелла, голливудский продюсер К. Воглер разработал методику конструирования сюжетов, примененную сценаристами десятков блокбастеров [Воглер, 2015].

Как видим, ступив под своды аллеи вечности, мы, сами того не заметив, свернули на тропу актуальности и вплотную подошли ко второй части литературной аллюзии, взятой в качестве темы номера, к «нашему времени». И обнаруживается, что в данной части сада следов героя не меньше. Эта тема оказывается ключевым метафорическим концептом современности, вне зависимости от того, как ее понимать: ситуативно, «здесь и сейчас», или в более широких темпоральных и социокультурных рамках — как «век сей» (2 Кор. 4, 4; Еф. 6, 12). На протяжении как минимум последних ста лет сюжеты, обращенные к достижениям, жизненному опыту и внутреннему миру экстраординарной личности, маркирующей время, эпоху, поколение своим именем и деяниями, были неизменно притягательны не только для мыслителей и политиков, но и для историков. Едва ли не общим местом историографии этого периода являются суждения о персонализации как магистральной тенденции в развитии нашего знания о прошлом.

Начиная с трудов Б. Кроче, Г. Риккерт, А.С. Лаппо-Данилевского, Р.Дж. Коллингвуда все громче звучали обвинения предшествующей «генерализирующей» историографии в том, что она «выбросила из истории индивида» [Кроче, 1998, с. 65], фактически «выбросив» и саму историю, каковая, будучи «прошлым, живущим в настоящем» [Коллингвуд, 1980, с. 167], вопрошанием общества к предшествующим поколениям, лишь тогда может чему-то учить, когда обращена к реальному человеческому опыту. Окончательно утвердившееся к концу XX в. представление об истории как «встрече людей в веках» [Блок, 1986, с. 82], казалось бы, вернуло ее к истокам, к античному пониманию истории как *res gestae* и *magistra vitae*. А это с неизбежностью привело к реабилитации биографического жанра как повествования о героях и их времени. Если в прежнем историческом повествовании биография была

маргинальным ответвлением исторического знания, имеющим право на существование лишь постольку, поскольку показывала «типичного представителя» эпохи, то сегодня она, по словам С.В. Кизюкова, воспроизводит архетипическую модель «мифа о герое» [Кизюков, 2000, с. 69] или, в более пафосном варианте, «героя, бросившего вызов богам» [Кизюков, 2000, с. 138].

Взгляд на экстраординарную личность как самоценный и самодостаточный объект исследования наиболее последовательно выражен в работах историков, тяготеющих к так называемой «экзистенциальной платформе» персональной истории. Ее включение в макроисторический контекст либо признается ими второстепенной задачей [Бессмертный, 2000, с. 23], либо вообще объявляется «избыточным»: «Экзистенциальная персональная история принципиально не рисует глобальных картин», а практикующий на этой платформе историк «не видит смысла превращать свой труд в кирпичик для большой стены какой-нибудь мегаисторической картины человечества, страны, социального прогресса» [Володихин, 2002, с. 446–447].

Тем не менее подобный подход к персональной истории не является ни единственным, ни преобладающим. Оппоненты адептов «экзистенциальной персональной истории» используют для обозначения своего исследовательского кредо понятие «новая биографическая история», тем самым подчеркивая, что современная биография — это не «возврат к Плутарху», а выход истории как науки о *res gestae* на новый виток диалектической спирали: нельзя дважды войти в ту же воду, полностью отбросив опыт и достижения «социально-научной историографии» [Репина, 2005, с. 7], сколь бы ни были велики ее просчеты и издержки.

Для новой биографической истории в равной мере важны и «активная роль действующих лиц истории, и тот — специфичный для каждого социума — способ, которым исторический индивид, в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах, “творит историю”, даже если результаты этой деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям» [Репина, 2005, с. 9]. В то же время внимание к социокультурному контексту, в котором действует исторический герой, способствует трансформации историко-биографических исследований: «их предметное поле существенно расширилось, а “номенклатура” неизмеримо выросла за счет жизнеописания людей, которые выступали как “реальные агенты”, “акторы”, то есть действующие лица истории, отнюдь не на главных ролях и не могут быть формально причислены к выдающимся историческим деятелям» [Репина, 2005, с. 8].

Данная проблематика нашла отражение в двух примечательных исследовательских проектах, нацеленных на разграничение «актеров истории» в широком смысле и тех, кто признан *героем* в самом буквальном общепотребительном значении этого слова — выдающейся личностью, являющейся «для кого-либо предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания» [Словарь русского языка, 1985, с. 307]. В одном из этих проектов, реализуемом Европейским университетом в Санкт-Петербурге, в качестве критерия принадлежности личности

к плеяде исторических героев рассматривается завоеванное ими «право на имя». Обосновывая такой подход, один из участников проекта пишет, что «биограф видит свою задачу в изображении героев, замечательных людей, оказавших услуги согражданам» [Рейтблат, 2005, с. 5]. В другом проекте, предпринятом в Ростовском государственном университете (с 2006 г. — Южном федеральном университете), внимание сфокусировано на демаркации между теми, кто однозначно признан потомками «героями первой величины», и теми, чей статус творцов истории неоспорен, кто скорее может быть отнесен к категории «фигур второго плана» [Мининков, Кореневский, Иванеско, 2010, с. 20–28].

Еще одним направлением в рамках «историко-героической» темы, актуализирующим не менее значимый аспект в семантике понятия «герой» — его сопряжение с образом времени, — является проект «История через личность», реализованный под эгидой Института всеобщей истории РАН. Во вводной статье к сборнику, опубликованному по результатам проекта, его инициатор, д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН Л.П. Репина, отмечая значимость социокультурного и темпорального контекста для понимания исторической личности, одновременно подчеркивает открытость «новой биографической истории» методологическим новациям современности: исследования, выполненные в русле данной методологии, «оказываются вполне релевантными задачам истории эпохи постмодерна, которая, с учетом уроков “лингвистического поворота” и его критического осмысления, стремится отойти от крайностей сциентизма и добиться воссоединения истории и литературы на новом уровне понимания специфики исторического знания» [Репина, 2005, с. 10].

Этот тезис близок редколлегии нашего журнала, видящей его миссию в объединении усилий гуманитариев для исследования прошлого в ситуации, когда профессиональные историки утратили монопольное право повествовать о минувшем. Поэтому в качестве одного из способов постановки междисциплинарных проблем было предложено использование литературных аллюзий. Однако речь ни в коем случае не идет о цитатах и эпитафиях как декоративном элементе текста или реверансах в сторону филологов. Ценность и важность аллюзий для емкого и образного артикулирования проблемы заключается в «парафразно-центонном принципе» [Данилевский, 2004, с. 41] конструирования текста, который, как считается, наиболее характерен для Средневековья, но, строго говоря, никуда не исчезает и в Новое время, а в эпоху постмодерна вновь приобретает первостепенное значение.

Аллюзии обладают «памятью контекста», то есть представляют собой своего рода гиперссылку, переадресующую читателя к тексту, выполняющему «металингвистическую функцию по отношению к данному» [Лотман, Успенский, 1973, с. 282]. Таким образом, они сообщают не только буквальный смысл слов, составляющих цитату, но и всю гамму смыслов, свойственных исходному контексту. Однако это же свойство аллюзии таит в себе и опасность: многообразие смыслов может в случае не вполне осознанного употребления привести к эффекту «qui pro quo» — квази-коммуникации, в которой используются одни и те же образы и символы, наделяемые

неидентичным значением. Поэтому рефлексия на тему используемых аллюзий как минимум небесполезна: она позволяет распознавать и осознанно вовлекать в свою мыслительную деятельность неявные смыслы и коннотации, одновременно выявляя историческую изменчивость феномена, обозначаемого этим понятием или образом.

Все вышесказанное имеет самое непосредственное отношение к теме данного номера журнала. Собственно, уже само понятие «герой», как и любой концепт с долгой историей, представляет собой «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [Степанов, 2004, с. 43] (или, если идти за борхесовской метафорой, *перекресток дорог и троп*), что предопределяет его не всегда осознаваемую многозначность. Как справедливо замечают современные исследователи, «суть и структура героизма инвариантны (схематично это подвиг во исполнение долга), но его трактовки постоянно меняются под влиянием социокультурных, политических, экономических и прочих изменений, порождающих в нем разные символические пласты (театральный, историко-политический, литературный, фантастический и пр.)» [Троцук, Субботина, 2017, с. 421].

Но эта многозначность не уменьшается, а наоборот, увеличивается, когда вместо слова «герой» используется словосочетание, восходящее к названию романа М.Ю. Лермонтова. Примером того, насколько этот концепт уже отделился от первоисточника и зажил собственной жизнью, являются российские издания уже упоминавшейся книги Дж. Кэмпбелла, название одного из разделов которой, в оригинале – “The Hero Today” [Campbell, 2004, p. 358], переведено как «Герой нашего времени» [Кэмпбелл, 1997, с. 224; Кэмпбелл, 2018, с. 307]. Таким образом, двумя разными переводчиками были совершенно необоснованно привнесены в исходный смысл текста «лермонтовские» коннотации.

Другим случаем, когда в обсуждении «героической» темы отсылка к образу Печорина дана явно и намеренно, но при этом не кажется вполне бесспорной, является конференция «Герой нашего времени»: лидеры общественного мнения и их культы в эпоху (пост)модерности» [Герой нашего времени, 2018]. Объясняя причины обращения к лермонтовскому концепту, организаторы конференции дают следующее его толкование: «Речь идет о социокультурных типах личности, которые становятся символом для целого поколения (или нескольких поколений), во многом определяя этические, эстетические и поведенческие нормы и практики эпохи» [Герой нашего времени, 2018, с. 3]. Ни в коей мере не ставя под сомнение право инициаторов на такую трактовку (по крайней мере, важно и ценно уже то, что она дана эксплицитно, и об этом не нужно догадываться), отметим наличие определенного смыслового зазора между данной интерпретацией и тем содержанием, которое вкладывал в название своего романа М.Ю. Лермонтов. Особо следует подчеркнуть, что в заглавии романа важны все три слова: он не просто о герое, но о герое, уникальность которого заключается в принадлежности к *этому* времени. Со школьных лет мы привыкли воспринимать роман Лермонтова через призму его оценок В.Г. Белинским. Но за набившими оскомину сравнениями Печорина и

Онегина из поля зрения выпадает то обстоятельство, что именно чувство времени критик считал едва ли не главным достоинством романа и видел в этом подлинное новаторство Лермонтова: «искусство *нашего века* (курсив мой — А.К.) есть воспроизведение разумной действительности» [Белинский, 1953, с. 238], — тогда как лицемерное морализаторство предшествующей литературы проистекало, по мнению Белинского, именно из неприятия этой реальности. О том, что «наше время» в заглавии лермонтовского романа и рассуждения Белинского о «нашем веке» являются характерной *приметой времени*, говорит и еще одно обстоятельство: незадолго до этого увидела свет статья И.В. Киреевского «Девятнадцатый век», в которой впервые был осмыслен эффект уплотнения исторического времени: «Прежде характер времени едва чувствительно изменялся с переменою поколений; наше время для одного поколения меняло характер свой уже несколько раз, и можно сказать, что те из моих читателей, которые видели *полвека*, видели *несколько веков*, пробежавших перед ними во всей полноте своего развития» [Киреевский, 1979, с. 80].

Далее, говоря о том, что сегодня под «героем нашего времени» понимается нечто отличное от авторской трактовки, следует заметить: если Лермонтов и считал Печорина героем, то явно обрамлял это слово невидимыми кавычками. Собственно, именно это и вызывало неоднозначную реакцию читателей. Но чтобы понять, в чем состоит этот двойной ментальный барьер в восприятии героизма — нашего, Лермонтова и его современников, — ретроспективного взгляда будет недостаточно. Продуктивнее здесь, как считал М. Блок, иной ракурс: задаваясь вопросом о значении исторического явления, на него следует смотреть так, как его видели современники, «смелым броском мысли перенестись во время, предшествовавшее этому событию» [Блок, 1986, с. 71]. Но что может служить такой параллелью к саркастической трактовке «героизма» в романе Лермонтова? Ответ очевиден: где еще искать в предшествующей эпохе столь же явную издевку над героизмом и над временем, как не в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», а среди ее героев — где как не в характеристиках одного из самых гротескных ее персонажей, полковника Скалозуба. Этот образ подан Грибоедовым так, что читатель интуитивно догадывается: перед нами «дутый герой». И дело не в том, что он, говоря словами Н.В. Гоголя, «глупый фрунтовик». Нам дается понять, что у полковника «что-то не так» с его заслугами, о чем он пробалтывается по причине своей «умилительной глупости» [Елисеева, 2014, с. 162]. Подсказкой является фраза Скалозуба о происхождении его с братом орденов: «За третье августа, засели мы в траншею; ему дан с бантом, мне на шею».

По мнению М.В. Нечкиной, соль грибоедовского сарказма заключается в том, что 3 августа 1813 г. армия боев не вела. Следовательно, «героизм» братьев заключался в унылом пребывании «в траншее», когда офицерство гуляло на балах по случаю встречи императоров Александра I и Франца II [Нечкина, 1977, с. 319–320]. Однако вряд ли читатели или зрители «Горя от ума» помнили все перипетии наполеоновских кампаний. Версия О.И. Елисеевой (Скалозуб командовал

егерями, прикрывавшими в траншеях минеров под огнем из осажденной крепости [Елисеева, 2014, с. 166]) убедительна, но в каком-то смысле еще больше запутывает, заставляя подозревать автора комедии в прямом навете. Ведь если это так, то перед нами «спецназ» наполеоновской эпохи — люди героической профессии. Да и гоголевская характеристика к ним совершенно неприложима: егеря не были ни «фрунтовиками» (тактике рассыпного строя нельзя обучить муштрой на плацу), ни уж тем более «глупыми». Наоборот, этот род войск в полной мере отвечает суворовскому принципу «каждый солдат должен знать свой маневр». Поэтому егеря, как убедительно показано Д. Ливеном [Ливен, 2012, с. 175–176], считались «умным» видом пехоты. Но, видимо, у Грибоедова были со Скалозубом (точнее, с данным типажом) свои счеты, и он сознательно придает ему гротескные черты.

Чтобы понять причины нелюбви автора к одному из своих героев, стоит вернуться к тому месту нашего сада, где грибоедовская тропа явным образом пересекается с тропами Лермонтова, Белинского и Киреевского — к теме «нашего времени». Со школьных лет мы помним, что стержневая тема комедии — «век нынешний и век минувший». Но столь явно демонстрируемое Фамусовым расположение к Скалозубу и не менее явное его неприятие Чацким не позволяет осознать, что лихой полковник и главный герой комедии могли быть сверстниками! Если исходить из того, что Чацкий — alter ego Грибоедова и ко времени написания комедии ему года эдак тридцать два — тридцать четыре¹, то ветеран такого возраста, выслужившийся до полковника, был явлением почти заурядным. Но в том-то и беда, что Грибоедову во время войны не удалось побывать «в деле», и потому так долго его обходили чинами. Если декабристы называли себя «детьми 1812 года», то чацкие оказались среди «пасынков». Отсюда и обиженный тон в отношении героев. Но, разумеется, приличия требовали от автора, чтобы ревность к славе фронтовиков была облечена в более пристойные формы. Конечно, читатели и зрители комедии не были в курсе егерских компетенций, зато они остро реагировали на явную чужеродность Скалозуба в «благородном обществе», и именно в этом контексте считывалось упоминание траншей. Дело в том, что в сознании того времени «героизм» вообще не вязался с оборонительными действиями. Параллелью к такому средневековому представлению о героизме как благородном порыве может служить фрагмент из «Испанских дневников» М.Е. Кольцова: один из испанских собеседников автора сетует на отрицательное отношение военного министра к рытью траншей, поскольку «окопы чужды складу ума испанского солдата» и «зарываться в землю ему не по душе» [Кольцов, 2005, с. 94]. Иными словами, «благородной публике» позапрошлого столетия, мыслившей героизм в духе «аристократического этоса», Скалозуб представлялся героем ложным, бутафорским.

На таком ментальном фоне, когда даже подлинное самопожертвование может казаться «не вполне героичным», название лермонтовского романа не могло восприниматься современниками иначе как издевка. И в этом полупрезрительном

¹ В давнем споре о годе рождения А.С. Грибоедова — 1790 или 1795 — подавляющее большинство исследователей в настоящее время склоняется к первой дате [Фомичев, 1989, с. 16–19].

отношении к Печорину, равно как и к его создателю, солидарны все ревнители устоев – от Николая I до А.И. Солженицына. Но как ни парадоксально, и положительные отзывы о «Герое», исходившие из лагерей диаметрально противоположных, по сути, были о том же. Фаддей Булгарин воздал хвалу «непостижимой силе» таланта Лермонтова, каковая «сорвала перед нами личину общества и объяснила болезнь, которою оно страждет в наше время» [Булгарин, 1840], а «неистовый Виссарион», движимый совершенно иными идеалами и побуждениями, уточнил булгаринский диагноз, проведя параллели между Онегиным и Печориным и тем самым положив начало теории «лишних людей».

При всей разнице этих отзывов они сходятся в одной точке: Печорин – герой негероического времени; он *мог бы стать* героем без каких-либо явных или подразумеваемых кавычек, если бы – при его-то талантах! – Печорину повезло с поколением и эпохой. Он бы геройствовал при Аустерлице и в Бородинской битве, на Сенатской площади или в Черниговском полку. А среди сверстников ему остается предаваться мизантропии и цинизму, изводя насмешками тех, кто домогался его дружбы: Печорин – Грушницкого, Лермонтов – Мартынова... «Печально я гляжу на наше поколенье! Его грядущее иль пусто, иль темно».

Как тут не вспомнить еще одного человека, похожего на героя грибоедовской комедии и судьбой, и фамилией, которому, по общему признанию современников, не повезло с местом и временем:

*Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарской...*

Мало того, с течением времени это невезение стало столь явным, что высочайшим повелением он был признан не просто лишним, но и сумасшедшим. Попутно заметим, что, по единодушному мнению литературоведов, слова того же Скалозуба «чин следовал ему: он службу вдруг оставил» – о нем же, будущем авторе «Философических писем» Петре Чаадаеве.

Итак, Печорин (как и Лермонтов) – лишний среди лишних, но среди борцов стал бы борцом. Какова эпоха, таковы герои. Время требует героев и творит их, даже если «сырье» оставляет желать лучшего. В этом смысле показательна биография Уинстона Черчилля. Неизвестно, стал бы он со временем world figure, если бы старт его «героической» карьеры не пришелся на самый тяжелый для Великобритании момент Англо-бурской войны – так называемую «черную неделю» в декабре 1899 г. Побег Черчилля, как справедливо заметил В.Г. Трухановский, был «единственным светлым пятном на фоне “черной недели”» [Трухановский, 1982, с. 55], поэтому пресса сделала его национальным героем.

Данный случай демонстрирует еще одну социальную функцию героя, доставшуюся «в наследство» от мифологии, когда он, будучи полубогом-получеловеком, выступал в роли посредника между небожителями и людьми: даже тогда, когда герой утрачивает свой «гибридный» статус, он продолжает выполнять медиативную

функцию, но уже между другими «мирами» — элитами и теми, по отношению к кому «избранные» присваивают себе роль поводырей. Для этого новые небожители штампуют образы героев как нравственный эталон, инструкцию по социально приемлемому поведению: делай, как он!

Параллельно сонму героев, для контраста, формируется и галерея антигероев. Так, в «Повести временных лет» лучезарность образа Ярослава Мудрого оттеняется вызывающим омерзением обликом Святополка Окаянного, а безымянный автор «Слова о полку Игореве», возводя на пьедестал Владимира Мономаха, на его оппонента Олега Святославича навешивает уничижительное прозвище «Гориславич» [Слово о полку Игореве, 1981, с. 95]. Перечни подобных дуэтов, срисованных с мифологических персонажей богов-антагонистов, любой может без труда продолжить, исходя из собственных исторических интересов и предпочтений. Тем не менее нарочитая контрастность в изображении героев и их противников не может не вызывать подозрений, что антигерои сознательно превращены в «козлов отпущения» и принуждены нести ответственность за чужие грехи.

Впрочем, чаще герои и антигерои меняются местами вследствие катаклизмов, обрушивших прежний социальный порядок. Но иногда с ними случаются и более странные метаморфозы: общество (или наиболее оппозиционная часть его), притворно принимая навязанные ему героические образы, на деле превращает антигероя в героя, а героя в посмешище: так белые офицеры задолго до крушения советского строя перерождаются из нелюдей-палачей в романтических героев, а комдив Чапаев — в персонаж анекдотов. Более того, общество само творит героев, которые по всем законам жанра должны быть их противоположностью. Остап Ибрагимович Бендер по меркам советской морали — асоциальный тип, ему не по пути с государством и обществом: «У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия — признается комбинатор. — Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм» [Ильф, Петров, 1982, с. 332]). Но к 60-м годам Великий комбинатор становится иконой интеллигенции, а романы Ильфа и Петрова — метатекстом, отсылками к которому была богато оснащена речь всякого, кто причислял себя к этой «прослойке».

Последняя фраза Бендера — о «скучности» строительства социализма — особенно примечательна, поскольку оказывается созвучной известному признанию А. Синявского: «...у меня с советской властью вышли в основном эстетические разногласия» [Синявский, 2002, с. 336]. Помимо неприятия «совдепии» по политическим и идейным мотивам, интеллигенцию не могла не раздражать эстетическая беспомощность и прямолинейная назойливость государственной пропаганды. Поэтому власть сама была отчасти виновата в инверсии советского героического мифа. С одной стороны, толика ответственности за «анекдотизацию» Чапаева лежит на братьях Васильевых, чей киноязык созвучен «агиткам» Демьяна Бедного и в 60-е не мог не восприниматься как забавная архаика. С другой стороны, следует отметить, что ни Чапаев, ни Хрущев, ни Брежнев в своем «анекдотическом» контексте отнюдь не являются антигероями в точном смысле этого слова.

Их типажи выстраиваются в соответствии с иным архетипическим персонажем, также имеющим непосредственное отношение к героическому мифу. По сути, это трикстер — парадоксальное сочетание плутовства, скоморошества и юродства, «демонически-комическая» [Гаврилов, 2006, с. 17] карнавальная инверсия образа героя. «Парадигма трикстера», как писал К.-П. Кёппинг, заключается том, что «хотя он желает добра, результатом может оказаться зло, и в то же время потаенное зло его намерений оборачивается непредвиденным благом»; «его преднамеренные действия приводят к непреднамеренным последствиям и наоборот» [Коерринг, 1985, р. 206]. И в этом смысле персонажи советских анекдотов — лихие и бестолковые, как сам советский строй, тоже своего рода «герои своего времени»: каждой эпохе нужны герои разных сортов, в том числе и трикстеры.

Если же говорить о причинах героизации белогвардейцев, то и здесь имели место очевидные недоработки советского агитпропа. В годы «застоя» публику явно перекормили романтическими фильмами о гражданской, что делалось, как представляется, из самых лучших побуждений. Советские идеологи не могли не заметить, что в среде фрондирующей интеллигенции протестные настроения принимали форму идеализации раннего советского прошлого: «Я все равно паду на той, на той единственной гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», — пел Булат Окуджава.

Собственно, тут не было ничего нового. То, что разные времена нуждаются в разных героях, известно давно. О «синусоидальной» закономерности в востребованности обществом разных типов лидеров — «львов» и «лис» — писал еще В. Парето [Pareto, 1935, р. 1515], позаимствовавший эту метафору у Макиавелли [Макиавелли, 1982, с. 52]. Проблема заключалась в том, что «лисы» эпохи «застоя», почувствовав запрос общества на «героев былых времен», попыталась удовлетворить его, но «творческая интеллигенция» переиграла власть: формально выполняя политический заказ, режиссеры и сценаристы исподволь вводили в кинотекст «чуждые» мотивы. Год от года образы белогвардейцев становились все более человечными, а с конца 60-х они запели: в 1967 г. в фильме «Таинственный монах» прозвучал романс «Напишу через час после схватки», а через два года в «Новых приключениях неуловимых» — «Русское поле».

Следует особо подчеркнуть, что такое превращение антигероев в свою противоположность происходило на фоне общей девальвации героизма, что также было прямым следствием политики брежневского руководства. Как справедливо замечают В. Дёниинингхаус и А. Савин, «власть фактически отказалась от массовых политических репрессий и внеэкономического принуждения к труду, сделав главную ставку на идеологию и моральные стимулы поощрения» [Дёниинингхаус, Савин, 2014, с. 149]. И одним из важнейших механизмов этого поощрения была «индустрия награждений», являвшаяся актом официального причисления к сонму героев. Но такое мультиплицирование героизма не могло не привести к его обесцениванию. Более того, это придавало гротескный смысл горьковской сентенции «В жизни

всегда есть место подвигу» – в том смысле, что таковым может быть объявлено все что угодно.

С другой стороны, это позволяет вспомнить известное изречение из «Жизни Галилея» Б. Брехта: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях» [Брехт, 1972, с. 768]. Размышляя над данным высказыванием, Л.Г. Новикова заметила, что «несчастлива», то есть нестабильна, та социальная система, где нравственное поведение требует героизма» [Новикова, 2012, с. 157]. Соглашаясь с этим суждением, полностью приложимым к эпохе «застоя», добавим, что такая «нужда» может принимать разные формы, отражающие своего рода «закон спроса и предложения» героизма.

Возвращаясь к «казусу Черчилля», обратим внимание: британское общество времени Англо-бурской войны было «несчастливым», ибо остро нуждалось в герое, восхищение которым компенсировало бы шок «черной недели». И общество само создало своего героя, «слепило из того, что было». «Несчастье» советского общества – иного сорта: отсутствие нормальной экономической мотивации компенсировалось репрессиями и побуждением/принуждением к героизму, причем в массовых масштабах («мы беззаветные герои все!»), а вынужденный отказ от применения насилия в прежних масштабах привел к перепроизводству героев, в подлинности которых общество закономерно усомнилось.

На этом фоне стоит ли удивляться тому, что сегодня, как пишут современные исследователи феномена героизма, в его нынешнем восприятии «человек постоянно сталкивается с некими внутренними препятствиями (иронией, цинизмом, неверием в чужое благородство), задающими определенную тональность (актуальную или отсроченную) восприятия героизма (в этом плане очень схожи, например, контекстуальное опознание и отношение к феноменам героизма и патриотизма)» [Суравнева, Федоров, 2008, с. 5]. При этом отмечается, что «нарастающая неоднозначность восприятия “героев” отражается, например, в утрате или как минимум модернизации смысла концептуальных метафор “народный герой”, “герой труда”, “герой без страха и упрека” и пр.» [Суравнева, Федоров, 2008, с. 8].

Остается лишь одно слабое утешение: это – отнюдь не крайняя форма разочарования общества в идеалах героизма. К. Воглер, например, отмечал, что при определенных экстремальных обстоятельствах общество может прийти даже к «героефобии», в качестве наиболее очевидного примера приводя послевоенную Германию [Воглер, 2015, с. 19].

Но даже если некто обретает славу героя без каких-либо явных или подразумеваемых кавычек, если он воспринимается современниками и/или потомками как лидер, властитель дум, человек-символ, то «читается» этот символ, знак, message лишь в контексте – своего времени, поколения, круга, социальной среды, школы, партии.

Короля играет свита... Играет по-разному – служа и преклоняясь, борясь и ненавидя, глумясь и шельмуя. Способов войти в историю множество, но в любом

случае главному герою исторического действия нужны для этого «персонажи второго плана», *supporting actors*, согласно голливудовской терминологии (*a fairly important, but not leading part*) – те, кто, собственно, и двигает сюжет, создает его фактуру. Поэтому невозможно в полной мере понять феномен «героя своего времени», не рассмотрев подобные исторические персонажи в сравнении и сопоставлении с окружающими их «людьми второго плана», типаж которых являют собой невероятное разнообразие. Это могут быть те, кто, обладая недюжинными талантами и способностями, лишь за малым «не дотянул» до роли творца истории, по каким-то причинам не был признан в этой роли современниками и потомками. Но могут быть и те, кто принял навязанные правила игры, добровольно или вынужденно заняв позицию «второго эшелона», равно как и те, кто вовсе не стремился на авансцену истории, вполне довольствуясь ее закулисем – верные сподвижники и преданные слуги, ученики и последователи, создатели и служители культа героев, «серые кардиналы», конфидененты, придворные интриганы и т. д. Наконец, это могут быть антигерои, избравшие протестную, нигилистическую или эпатажную модель самореализации – *vice versa*, смена верха и низа, либо позицию иронического / саркастического / игрового противопоставления герою – шутовство, пересмешничество, трикстерство, «снижение» героизма, издевка над его пафосом.

В то же время, сколь ни плодотворна театрално-кинематографическая метафора «человека второго плана» для осмысления феномена «героя своего времени», реальная жизнь богаче любого тропа. При всем сходстве истории и театра, нельзя игнорировать по крайней мере одно принципиальное расхождение: в отличие от драматургии, где первый и второй планы четко обозначены и разграничены, где трудно спутать главных героев, то есть тех, о ком повествует пьеса, с персонажами, составляющими ее сюжетный фон, в истории ни одна фигура первого плана (за исключением, быть может, венценосных особ) не является таковою изначально. Даже если человек рождается, как говорят англичане, «с серебряной ложкой во рту», ему далеко не сразу удастся пробиться на авансцену истории. Иными словами, почти любой «герой своего времени» на старте своей карьеры был «человеком второго плана». С другой стороны, не столь уж редки в истории случаи, когда изначально установленные правила игры между «героями», «гуру», «властителями дум» и их окружением, «вторым планом» дают сбой: происходит бунт марионеток, восстание теней. И тогда вчерашний холоп становится баринном (китайская династия Хань, норвежские «биркебейнеры», советская номенклатура), второй – первым (Ленин – Плеханов), клиент – патроном (Жискар д'Эстен – Поль Ширак, Эдвард Хит – Маргарет Тэтчер), шут – властелином (Хрущев) и «героем своего времени». Но может случиться и так, что триумф оказывается недолгим, а за ним следует низвержение в преисподнюю.

Таким образом, эвристическая ценность контекстуального подхода к рассмотрению проблемы «героя своего времени» заключается в том, что это позволяет рассмотреть данный феномен, во-первых, в разных его исторических ипостасях,

определяемых характером связей с поколением и окружением, с узким кругом и широким социальным фоном, а во-вторых — во всем многообразии этих связей и сред (кружков, школ, группировок, партий, движений) и тех социальных ролей, которые могут играть сами герои и люди из их окружения.

Продуктивность применения данного подхода весьма убедительно демонстрируют авторы тематического раздела нашего журнала. Примечательно, что все они, размышляя о героях и героизме, сфокусировали свое внимание не на архетипических («вневременных») чертах исследуемых персонажей, а как раз на взаимозависимости и взаимообусловленности двух сторон в противоречивом тандеме героя и его времени, среды, окружения, исторического и культурного контекста.

В этом отношении показательны сюжеты статей А.А. Венкова и В.В. Журавлева, в центре которых — проблема конструирования героических мифов-антиподов: отца-основателя «Отечества победившего пролетариата» В.И. Ленина и Верховного правителя Белой России А.В. Колчака. Сопоставление данных кейсов важно, во-первых, в силу того, что оба эти персонажа как бы взаимно симметричны (каждый из них — сверх-герой для «своих» и антигерой для «чужих»), а во-вторых — потому, что в обоих случаях героизм вождей понимался и описывался творцами их культов (при всем кажущемся внешнем несходстве и вождей, и культов) вполне согласно с классическими / архаическими паттернами: и «вождь мирового пролетариата», и Верховный правитель — фигуры запредельного величия и могущества. И при этом в обоих случаях идеологи, «замахнувшись на вечность», закономерно потерпели фиаско. Анализ киноуплощений героического мифа о Ленине, предпринятый А.А. Венковым, наглядно демонстрирует их ситуативность: по сути, каждое советское поколение воспринимало вождя по-своему и создавало «своего» Ленина, а кинематограф и агитпроп отчасти навязывали обществу прочтение этого образа в соответствии с актуальной «политической линией», отчасти же сами реагировали на социальный запрос.

«Казус Колчака» в плане применения контекстуального подхода еще более нагляден: по мнению автора статьи, именно непонимание социального запроса идеологами Белой России привело к неприятию обществом сконструированного ими героического мифа о Верховном правителе. Как верно замечает В.В. Журавлев, население и колчаковские пропагандисты говорили на разных языках и вдохновлялись разными образами.

Совершенно иная модальность отношений героя и времени представлена в статье В.С. Савчука о немецком историке-медиевисте Германе Геймпеле. Если в «ленинском» и «колчаковском» кейсах герой вполне соразмерен эпохе (в первом случае — сокрушая «старое время», во втором — пытаясь спасти его от всеразрушающего хаоса), то масштаб «героизма» Геймпеля — совершенно иной. Не он бросает вызов времени, а время ставит его перед «гамлетовским» выбором: «Смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивление?»

Однако личная драма Геймпеля, как и многих его современников, была обусловлена не только самой ситуацией экзистенциального выбора, но и тем, что в бурный двадцатый век бег времени оказался куда стремительнее, чем течение человеческой жизни. Смена эпох, деля биографию на «до» и «после», вынуждает личность к новому выбору, либо «обнуляя» предыдущий, либо призывая к ответу за прежние решения. И разбираясь в хитросплетениях подобных жизненных траекторий, порой непросто понять, какую роль выбирает человек (или роль выбирает его?) на том или ином этапе своей биографии: принимает ли он диктат времени как данность («Время дано — это не подлежит обсуждению...») или проявляет непокорность и «плывет против течения», либо плывет вместе со всеми, но не по причине собственного конформизма, а потому что это — его свободный и осознанный выбор. Размышляя о судьбе Г. Геймпеля, В.С. Савчук ставит вопрос: в какой момент он был «героем своего времени» — когда принял установленные нацистским режимом «правила игры» или когда в послевоенный период призывал коллег расстаться с консервативно-националистическими взглядами, и в каком случае он «плыл по течению», а в каком — «против»?

Другой, не менее значимой метаморфозой в понимании героизма, произошедшей в XX в., стала его «массовизация». Разумеется, что-то подобное такому «социальному оксюморону» — когда героизм, будучи по определению явлением исключительным, становится едва ли не социальной нормой — случилось и раньше: достаточно вспомнить высочайшую степень политической мобилизации общества в эпоху Великой французской революции или патриотический подъем в России во время Отечественной войны 1812 года. Но лишь в минувшем столетии и преимущественно в нашей стране массовый героизм превратился в нечто большее, чем стихийный порыв множества людей, объединенных общей готовностью к самопожертвованию во имя исповедуемых ими идеалов. Социальная инженерия XX в. преуспела в искусстве управления этой стихией, разработав для этого достаточно изощренные технологии.

Для понимания сущности массового героизма в России чрезвычайно важны две статьи нашего тематического блока, показывающие эволюцию данного явления на разных этапах и с разных его сторон: во-первых — самих коллективных сантиментов, мобилизующих социум на защиту от внешней угрозы, во-вторых — культурных образцов, задающих идейное обоснование и «означивание» иррационального в своей основе порыва, в-третьих — методов манипулятивного воздействия власти на эти общественные настроения. В статье Д.Е. Цыкалова феномен массового героизма в годы Первой мировой войны раскрывается через призму восприятия и осмысления данного явления публицистом либерально-народнического толка С.Я. Елпатьевским. Отнюдь не бесспорные, но не лишённые пронизательности наблюдения и раздумья этого полузабытого писателя о «русской храбрости» как коллективистском «негероическом героизме», противопоставляемом показному герою «западного» толка, дают богатую пищу для размышлений о причинах военно-политических и пропагандистских неудач царского и Временного правительств.

В то же время, в такой трактовке смутно угадывается подоплека будущего успеха большевиков: видимо, они все-таки лучше своих противников знали и чувствовали психологию народных масс, коль скоро смогли предложить им более понятную и убедительную трактовку героизма, обеспечив его реальную массовизацию.

Эта тема всесторонне раскрыта в статье А.И. Савина, посвященной феномену героизации советской молодежи в 1930-е гг. и роли парамилитаризма как «питательной среды», формирующей образцовых героев. Автор показывает, что эталон советского героизма, последовательно и целенаправленно формировавшийся в межвоенный период, представлял собой единство трех составляющих — средство мобилизации масс, эффективный социальный лифт, а также форму «советской» самоидентификации. При этом в качестве наикратчайшего пути к обретению статуса советского героя предлагалась военно-спортивная деятельность под эгидой Осоавиахима и комсомола.

Разумеется, представленные сюжеты не могут охватить и малой части аспектов «героической темы». Очевидным свидетельством ее широты и значимости является то, что она фактически «выплеснулась» за рамки рубрик «Тема номера» и «Дискуссия»: эта проблематика в той или иной мере отразилась в большей части публикуемых статей, сообщений и других материалов. Ключевой персонаж статьи Б.А. Алимджанова, узбекский политический деятель межвоенного периода Файзулла Ходжаев, опознается в качестве «героя своего времени» в самых разных аспектах своей биографии. Это проявляется и в его причастности к движению джадидов, для идеологии которых был характерен «прометеевский» пафос, и в его роли отца-основателя современной узбекской государственности, и в трагическом финале жизненного пути в годы сталинских репрессий. В статье И.А. Черненко рассматривается беллетристическое воплощение негативной инверсии героического мифа — сюжет о детоубийце в немецкой литературе второй половины XVIII в. При этом автор находит в данном персонаже и узнаваемые приметы времени, отпечаток умонастроений эпохи «Бури и натиска», и архетипические черты образа злодея — «антигероя на все времена».

Суждения Д.Е. Цыкалова о «негероическом героизме» как специфической черте русского/российского культурного кода находят неожиданный отзвук в интервью участника штурма Грозного в декабре 1994–январе 1995 г.: в суждениях респондента, до сих пор не преодолевшего посттравматический синдром, обращает на себя внимание скептически-ироничный тон самооценки («вроде как герой»), искренность и полное отсутствие пафоса в его размышлениях о героизме и негероизме.

Еще один аспект «героической темы», но уже в преломлении к академической корпорации, раскрывается в интервью И.Н. Данилевского, публикуемом в разделе «In Memoriam». Известный медиевист, источниковед и методолог, член редакционного совета нашего журнала делится с читателями воспоминаниями о своем учителе, профессоре А.П. Пронштейне, столетие со дня рождения которого отмечается в январе этого года. Александр Павлович — личность поистине легендарная.

Он был не просто основателем и корифеем ростовской исторической школы. Его можно без преувеличения назвать «культурным героем» гуманитарного научного сообщества Ростова-на-Дону и всего Юга России. Долгие годы он был признанным лидером научного цеха и наставником молодых ученых, живым воплощением академических традиций и связующим звеном между Ростовским университетом, вузами региона и «большой наукой» всей страны.

Таким образом, в предлагаемом номере журнала затронуты самые разнообразные стороны и ракурсы темы «героя своего времени», что, как мы надеемся, вызовет отклик среди наших читателей, и данная проблематика найдет свое продолжение на страницах последующих выпусков журнала «Новое прошлое / The New Past».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. Т. 4. С. 193–270.

Бессмертный Ю.Л. Метод // *Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени* / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 16–28.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.

Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок // *Борхес Х.Л.* Письмена Бога. М: Республика, 1992. С. 230–240.

Брект Б. Жизнь Галилея // *Брект Б.* Стихотворения. Рассказы. Пьесы. М.: Художественная литература, 1972. С. 689–780.

Булгарин Ф.В. «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0190.shtml (дата обращения – 27 февраля 2019 г.).

Воглер К. Путешествие писателя: мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 476 с.

Володихин Д.М. Две ветви микроисторической платформы в отечественной историографии // *Диалог со временем. Вып. 8. Персональная история и интеллектуальная биография.* М., 2002. С. 445–447.

Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.

«Герой нашего времени»: лидеры общественного мнения и их культы в эпоху (пост)модерности». 1–3 июня 2018 г. М.: НЛО, 2018. 55 с.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

- Дёнинингхаус В., Савин А. «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // *Российская история*. 2014. № 2. С. 127–149.
- Елисеева О.И. Повседневная жизнь русских литературных героев. XVIII–первая треть XIX века. М.: Молодая гвардия, 2014. 399 [1] с.
- Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Мысль, 1982. 636 с.
- Кизюков С.В. Типы и структура исторического повествования. М.: Мануфактура, 2000. 143 с.
- Киреевский И.В. Деятнадцатый век // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 79–101.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
- Кольцов М.Е. Испанский дневник. М.: Грифон, 2005. Т. 1. 352 с.
- Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997. 384 с.
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. 352 с.
- Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 679 с.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1973. Т. VI. С. 282–303.
- Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1982. 80 с.
- Мининков Н.А., Кореневский А.В., Иванеско А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // *В тени великих: образы и судьбы*. СПб.: Алетейя, 2010. С. 20–28.
- Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М.: Художественная литература, 1977. 735 с.
- Новикова Л.Г. Социология как судьба: избранное / Л.Г. Новикова. Воспоминания коллег. Минск: Беларус. навука, 2012. 448 с.
- Рейтблат А.И. Нравственные мотивации биографа // *Сборник докладов 2-х чтений памяти Вениамина Иофе «Право на имя. Биография как парадигма исторического процесса» (16–18 апреля 2004)*. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2005. С. 3–8.
- Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях (вместо предисловия) // *История через личность: историческая биография сегодня* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. 720 с.
- Синявский А.Д. (Терц А.) Путешествие на Черную речку. М.: Изографус; Эксмо-пресс, 2002. 400 с.
- Словарь русского языка / В 4 т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 696 с.
- Слово о полку Игореве. М.: Советская Россия, 1981. 288 с.

- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
- Суравнева И.М., Федоров В.В. Феномен героизма. М.: ЛКИ, 2008. 152 с.
- Троцук И.В., Субботина М.В. Феномен героизма: две «хронологические» интерпретации // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2017. Т. 17. № 3. С. 420–435.
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М.: ИМО, 1982. 472 с.
- Утченко С.Л. Цицерон и его время. М.: Мысль, 1986. 352 с.
- Фомичев С.А. От редактора // А.С. Грибоедов. *Материалы к биографии. Сборник научных трудов* / Отв. редактор С.А. Фомичев. Л.: Наука, 1989. С. 16–19.
- Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces (Commemorative edition)*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2004. 403 p.
- Koepping K.-P. Absurdity and Hidden Truth: Cunning Intelligence and Grotesque Body Images as Manifestations of the Trickster // *History of Religions*. 1985. Vol. 24. No 3. Pp. 191–214.
- Pareto V. *The Mind and Society. Vol. 4. The General Form of Society*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1935. vi, 600 (1433–2033) p.

REFERENCES

- Belinskiy V.G. Geroy nashogo vremeni. Sochinenie M. Lermontova [The hero of our time. The work by M. Lermontov], in: Belinskiy V.G. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953. Vol. 4. Pp. 193–270 (in Russian).
- Bessmertnyi Yu.L. Metod [Method], in: *Chelovek v mire chuvstv. ocherki po istorii chastnoy zhizni v Evrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala Novogo vremeni* [The man in the world of emotions. Essays on the history of private life in Europe and some countries of Asia before the beginning of Modern Era] Pod. red. Yu.L. Besmertnogo. Moscow: Rossiysk. gumanit. un-t, 2000. Pp. 16–18 (in Russian).
- Bloch M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology of history or the historian's craft]. Moscow: Nauka, 1986. 256 p. (in Russian).
- Borges J.L. Sad Raskhodyascshihsy tropok [The Garden of forking paths], in Borges J.L. *Pis'mena Boga* [Letters of God]. Moscow: Respublika, 1992. Pp. 230–240 (in Russian).
- Brecht B. Zhizn' Galileya [Life of Galileo], in: Brecht B. *Stikhotvoreniya, rasskazy, pyesy* [Poems, stories, plays]. Moscow: Khudozhestvennaya literature, 1972. Pp. 689–780 (in Russian).
- Bulgarin F. "Geroy nashogo vremeni". *Sochinenie M. Lermontova* ["The Hero of Our Time]. The work by M. Lermontov]. Available at: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0190.shtml (accessed 27 February 2019) (in Russian).

Vogler C. *Puteshestvie pisatelya: mifologicheskie struktury v literature i kino* [The Writer's journey: mythic structure for writers]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2015. 476 p. (in Russian).

Volodikhin D.M. Dve mikriistoricheskie platformy v otechestvennoy istoriografii [Two micro-historical platforms in domestic historiography], in: *Dialog so vremenem* [Dialog with time]. Issue 8. Personal'naya istoriya i intellektual'naya biografiya [Personal history and intellectual biography]. Moscow, 2002. Pp. 445–447 (in Russian).

Gavrilov D.A. *Trikster. Litseday v evroaziatskom fol'klyore* [Trickster. hypocrite in Eurasian folklore]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2006. 239 p. (in Russian).

"Geroy nashego vremeni": *Lidery obschestvennogo mneniya i ikh kul'ty v epokhu (post) modernosti* [The leaders of public opinion and their cults in the era of (post)modernity]. 1–3 June 2018. Moscow: NLO, 2018. 55 p. (in Russian).

Danilevskiy I.N. *Povest' vremennykh let: germeneticheskiye osnovy istocnicovedeniya letopisnykh tekstov* [The primary cornicle: hermeneutic basics of the source study of annalistic texts]. Moscow: Aspekt-Press, 2004. 370 p. (in Russian).

Dönninghaus V., Savin A. "Smotrish', i Mane, i Tane kakoy-to 'znak pochota' popadaet". Brezhnevskaya "industriya" nagrazhdeniy i sovetskoye obshchestvo ["Look, both Many and Tanya receive some 'Honor Badge'". Brezhnev's Award "Industry" and the Soviet Society], in: *Rossiyskaya Istoriya* [Russian History]. 2014. No 2. Pp. 127–149 (in Russian).

Eliseeva O.I. *Povsednevnyaya zhizn' ruskikh literaturnykh geroyev. XVIII–pervaya tret' XIX veka* [Everyday life of russian literature characters. 18th –the first third of 19th century]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2014, 399 [1] p. (in Russian).

Ilf I., Petrov E. *Dvenadtsat' stulyev; Zolotoy telenok* [The Twelve Chairs, The Little Golden Calf]. Moscow: Mysl', 1982. 636 p. (in Russian).

Kizyukov S.V. *Tipy i struktura istoricheskogo povestvovaniya* [The Types and structure of historical narrative]. Moscow: Manufactura, 2001. 143 p. (in Russian).

Kireevskiy I.V. *Devyatnadtsatyi vek* [The Ninetieth Century], in: Kireevskiy I.V. *Kritika i estetika* [Critics and Esthetics]. Moscow: Iskusstvo, 1979. Pp. 79–101 (in Russian).

Collingwood R.G. *Ideya Istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980. 486 p. (in Russian).

Koltsov M.E. *Ispanskiy Dnevnik* [Spanish Diary]. Moscow: Grifon, 2005. Vol. 1. 352 p. (in Russian).

Croce B. *Teoriya i istoriya istoriografii* [Theory and history of historiography]. Moscow: Shkola "Yazyki Russkoy Kul'tury", 1998. 192 p. (in Russian).

Campbell J. *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a thousand faces]. Moscow: Vakler; Refl-buk, 1997. 384 p. (in Russian).

Campbell J. *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a thousand faces]. St. Petersburg: Piter, 2018. 352 p. (in Russian).

- Lieven. D. *Rossiya protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu* [Russia Against Napoleon. The True Story of the Campaigns of War and Peace]. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Enciklopediya (ROSSPEN), 2012. 679 p. (in Russian).
- Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Mif – Imya – Kul'tura [Myth – Name – Culture], in: *Trudy po Znakovym Sistemam* [Works on Sign Systems]. Tartu, 1973. Vol. VI. Pp. 282–303 (in Russian).
- Machiavelli N. *Gosudar'* [The Prince]. Moscow: Planeta, 1982. 80 p. (in Russian).
- Mininkov N.A, Korenevskiy A.V., Ivanenko A.E. Chelovek "vtorogo plana" v kontekste sovremennoy istoriografii: pyat' let spustya [The Person of "the second place": five years later], in: *V Teni Velikikh: Obrazy i Sud'by* [In the Shadow of the Greats: Images and Destinies]. St. Petersburg, 2010. Pp. 20–28 (in Russian).
- Nechkina M.V. *Griboedov i Dekabristy* [Griboedov and Decembists]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1977. 737 p. (in Russian).
- Novikova L.G. *Sotsiologiya kak sud'ba / L.G. Novikova. Vospominaniya kolleg* [Sociology as Destiny / L.G. Novikova. Colleagues' Memoirs]. Minsk: Belarus. Navuka, 2012. 448 p. (in Russian).
- Reytblat A.I. Nравstvennaya motivatsiya biografa [Biographer's moral motivation], in: *Sbornik dokladov 2-h Chtvniy Pamyati Veniamina Ioffe "Pravo na Imya. Biografiya kak Paradigma Istoricheskogo Protsessa" (16–18 April 2004)* [Book of Reports of the 2nd Readings in Commemoration of Veniamin Ioffe "Right for Name. Biography as the Paradigm of Historical Process" (16–18 April 2004)]. St. Petersburg: SRC "Memorial", 2005. Pp. 3–8 (in Russian).
- Repina L.P. Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiyakh (vmesto predislovia) [Personality and Society, or History in Biographies (In lieu of a Preface)], in: *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [The History via Personality: Historical Biography Today]. Ed. L.P. Repina. Moscow: Krug, 2005. 720 p. (in Russian).
- Sinyavskiy A.D. (Terts A.) *Puteshestvie na Chernuyu Rechku* [Travel to the Black River]. Moscow: Izografus: Eksmo-press, 2002. 400 p. (in Russian).
- Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh* [Dictionary of Russian Language in Four Volumes]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1985. Vol. 1. 696 p. (in Russian).
- Slovo o Polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1981. 288 p. (in Russian).
- Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of the Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004. 992 p. (in Russian).
- Suravneva I.M., Fedorov V.V. *Fenomen geroizma* [Phenomenon of Heroism]. Moscow: LKI, 2008. 152 p. (in Russian).
- Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Fenomen geroizma: dve "khronologicheskie" interpretatsii [Phenomenon of Heroism: two "chronological" interpretations], in: *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2017. Vol. 17. No 3. Pp. 420–435 (in Russian).
- Trukhanovskiy V.G. *Winston Churchill*. Moscow: IMO, 1982. 472 p. (in Russian).

Utchenko S.L. *Tsitseron i ego vremya* [Cicero and his time]. Moscow: 1986. 352 p. (in Russian).

Fomochev S.A. Ot redaktora [Editor's Note]. In: A.S. Griboediv. *Materialy k biografii. Sbornik nauchnykh trudov* [Materials Concerning the Biography. Collection of Research Papers]. Ed. S.A. Fomochev. Leningrad: Nauka, 1989. Pp. 16–19 (in Russian).

Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces (Commemorative edition)*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2004. 403 p.

Koepping K.-P. Absurdity and Hidden Truth: Cunning Intelligence and Grotesque Body Images as Manifestations of the Trickster, in *History of Religions*. 1985. Vol. 24. No 3. Pp. 191–214.

Pareto V. *The Mind and Society. Vol. 4. The General Form of Society*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1935. vi, 600 (1433–2033) p.